

ДЕМИДОВ Андрей Николаевич,
аспирант Российской государственной академии
интеллектуальной собственности, Москва, Россия,
e-mail: andre2000andre@mail.ru

ОБЪЕКТИВНАЯ ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЯ: КРИТЕРИЙ ОХРАНОСПОСОБНОСТИ И ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу объективной формы выражения произведения как самостоятельного критерия охраноспособности в российском авторском праве. Показано, что закрепление требования объективной формы в п. 3 ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации и разъяснения Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10 от 23.04.2019 (п. 82) задают общий нормативный каркас, однако в цифровом обороте критерий приобретает дополнительное значение через необходимость идентифицируемости выражения и его доказуемости. На основе доктринальных подходов (включая исследования о цифровой форме как способе объективации результата интеллектуальной деятельности, а также дискуссию о соотношении объективной формы и фиксации) и правоприменительной логики обосновано, что объективная форма выполняет одновременно квалификационную и доказательственную функции: отделяет охраняемое выражение от не охраняемых идей и обеспечивает установление границ объекта при разрешении споров. Предлагается синтетическое понимание объективной формы как совокупности признаков внешнего выражения, доступности восприятию (в том числе посредством технических средств) и достаточной определённости для идентификации объекта. В целях практического применения сформулирован перечень контрольных вопросов для правовой квалификации спорного объекта и построения доказательственной позиции, особенно актуальный для «эфемерных» цифровых форм контента (стримов, эфиров, временных публикаций).

Ключевые слова: объективная форма выражения; охраноспособность произведения; идентифицируемость выражения; фиксация произведения; цифровой контент; доказательственная функция; части произведения.

DEMIDOV Andrey Nikolaevich,
Graduate student, Russian State Academy
of Intellectual Property, Moscow, Russia

THE OBJECTIVE FORM OF EXPRESSION OF A WORK: A CRITERION OF COPYRIGHTABILITY AND FEATURES OF ITS APPLICATION IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Annotation. The article examines the objective form of expression of a work as an independent criterion of copyrightability in Russian copyright law. It is shown that the requirement of an objective form, enshrined in Article 1259(3) of the Civil Code of the Russian Federation and clarified in Resolution No. 10 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 23 April 2019 (para. 82), provides the general normative framework; however, in the digital environment the criterion gains additional significance due to the need for identifiability of the expression and its evidentiary verifiability. Drawing on doctrinal approaches (including studies treating digital form as a means of objectifying the results of intellectual activity, as well as the debate on the relationship between objective form and fixation) and the logic of law enforcement, the article substantiates that the objective form performs both qualifying and evidentiary functions: it separates protected expression from unprotected ideas and enables the determination of the object's boundaries in dispute resolution. A synthetic understanding of objective form is proposed as a set of features including external

expression, accessibility to perception (including via technical means), and sufficient definiteness for identifying the object. For practical purposes, a set of control questions is formulated to support the legal qualification of the disputed subject matter and the construction of an evidentiary position, which is particularly relevant for “ephemeral” digital content formats (streams, live broadcasts, temporary posts).

Key words: *objective form of expression; copyrightability of a work; identifiability of expression; fixation of a work; digital content; evidentiary function; parts of a work.*

Критерий объективной формы выражения — один из базовых критериев охраноспособности произведения. Пока результат творческой деятельности не получил внешнего выражения, отделимого от личности автора и доступного восприятию, он не становится объектом авторского права. В действующем регулировании эта идея закреплена напрямую: произведение считается созданным и подлежащим охране с момента выражения в какой-либо объективной форме (п. 3 ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации), причём закон указывает и типовые способы такой объективации (письменная, устная в виде публичного произнесения/исполнения, изображение, звуко- или видеозапись, объемно-пространственная форма и др.) [3].

Практическая значимость критерия возрастает в цифровой среде, где произведения нередко существуют как «текущий» контент (эфирные форматы, стримы, временные публикации), а спор концентрируется вокруг вопроса: достаточно ли воспринимаемости через технические средства или требуется фиксация, позволяющая повторное воспроизведение и идентификацию. На уровне разъяснений высшей судебной инстанции критерий объективной формы используется как обязательное условие охраны не только произведения в целом, но и его частей: фрагмент охраняется при наличии творческого характера и при условии выражения во внешней форме [10].

В научной литературе подчёркивается, что цифровая форма не отменяет принцип охраны формы произведения, а, напротив, выступает одним из современных способов объективации результата интеллектуальной деятельности [8]. Это означает, что переход произведений в цифровой оборот не меняет исходного требования о наличии внешнего выражения, но смещает практический фокус на установление «цифрового выражения» как юридически распознаваемого объекта (файла, публикации, цифрового следа) при сохранении запрета на охрану идей и общих концепций.

Наряду с квалификационной функцией, требование объективной формы выполняет и доказательственную: именно «след» произведения во внешнем мире позволяет установить объект спора, соотнести его с заявляемым авторством и оценить факт использования. Показательно, что

ещё в подходах арбитражной практики подчёркивалось: исключительное право не может возникнуть на «произведение будущего» (замысел без объективного выражения), поскольку правовая охрана привязана к уже воплощённому результату [4].

Цель настоящей статьи — уточнить содержание критерия объективной формы выражения, показать его пределы (в частности, на цифровых формах) и предложить компактный прикладной ориентир для правовой квалификации и доказывания в спорах об авторских правах.

В российском авторском праве требование объективной формы выражения выступает самостоятельным условием предоставления правовой охраны, где произведение получает правовую защиту с момента, когда результат творчества выражен вовне и может быть воспринят как определённый объект, а не как абстрактный замысел. Закон закрепляет этот подход прямо, указывая, что произведение охраняется независимо от достоинств и назначения, но при этом оно должно быть выражено в какой-либо объективной форме.

Нормативное содержание критерия раскрывается через перечисление типовых форм выражения: письменная (включая нотную запись), устная (публичное произнесение, публичное исполнение), изображение, звуко- и видеозапись, объемно-пространственная форма и иные способы, позволяющие воспринимать результат. Это перечисление важно по двум причинам. Во-первых, оно фиксирует, что российская модель не сводит объективную форму только к «материальному носителю» в узком смысле: правовой смысл состоит в факте внешнего выражения, а не в виде носителя [11]. Во-вторых, оно задаёт границу между охраняемым результатом и не охраняемыми элементами: идеи, концепции, принципы, методы, процессы и т.п. не признаются объектами авторского права, поскольку не совпадают с формой выражения результата.

При анализе критериев охраноспособности в смежных сюжетах (в частности, на стыке авторского права и промышленного образца) обращается внимание на риск чрезмерного упрощения: в практике нередко фактически доминирует подход, при котором наличие внешнего выражения начинает восприниматься как достаточное условие для признания результата произведением. В доктрине подчёркивается, что сведение крите-

риев охраноспособности к одной лишь объективной форме методологически неверно и может приводить к размыванию границы между творческим результатом и техническим либо функциональным решением [9]. Тем самым ещё раз подтверждается необходимость рассматривать объективную форму в системной связи с творческим характером произведения, а не как заменяющий его признак.

Критерий объективной формы занимает системное место в связке с творческим характером произведения, даже при наличии творческого вклада охрана невозможна, если результат не «объективирован»; и наоборот, наличие фиксируемого/воспринимаемого результата не заменяет требования творчества. В разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации этот подход проявляется особенно на примере частей произведения: охраняемость фрагмента (части) допускается лишь при условии, что он обладает творческим характером и выражен в объективной форме, позволяющей идентифицировать охраняемый элемент как самостоятельный результат [10].

Таким образом, на нормативном уровне объективная форма выполняет две ключевые функции: (1) квалификационную — отделяет охраняемое «выражение» от неохраняемых идей и методов; (2) определительную — делает возможным установление границ объекта, что далее напрямую влияет на доказывание факта использования и объёма нарушений.

В доктрине авторского права критерий объективной формы традиционно объясняется через идею «объективации» результата творчества: произведение должно быть выражено вовне так, чтобы оно существовало как самостоятельный объект, отделимый от личности автора и доступный восприятию иных лиц [12]. При таком подходе объективная форма выступает не «технической деталью», а юридическим условием, позволяющим признать результат творчества именно произведением, а не внутренним замыслом.

Наиболее устойчивым является понимание объективной формы как внешнего выражения, доступного восприятию (непосредственно либо через технические средства). Это объясняет, почему законодатель прямо относит к формам выражения не только закреплённые на носителе результаты (текст, изображение, запись), но и устные формы, включая публичное произнесение и исполнение: в момент исполнения произведение уже выражено вовне и может быть воспринято аудиторией как определённый объект.

В то же время в литературе сохраняется дискуссия о соотношении объективной формы и фиксации. В частности, обосновывается подход,

согласно которому для правовой охраны достаточно того, чтобы произведение было выражено вовне и стало доступным восприятию других лиц (в том числе однократно), поскольку закон прямо относит к объективной форме также устное выражение — публичное произнесение и публичное исполнение. При этом в доктрине подчёркивается, что любая внешне объективированная форма, делающая произведение доступным для публичного восприятия, уже предполагает возможность последующего воспроизведения в той же или иной форме; иллюстрацией служит пример музыкального исполнения без нотной записи, которое затем оказалось воспроизводимым и поддающимся восстановлению [6]. Дополнительно, на международно-правовом уровне фиксация рассматривается как факультативное требование: Бернская конвенция допускает установление такого условия национальным правом, но не делает его универсальной предпосылкой охраны [2].

Одновременно существует и другая линия аргументации, смещающая акцент с «самого факта восприятия» на юридическую определённость границ объекта: охрана предполагает возможность идентифицировать выражение так, чтобы оно могло быть распознано и сопоставлено при споре; в сравнительно-правовом плане эта идея формулируется как требование идентифицируемости выражения «достаточно точно и объективно», причём такая идентифицируемость не обязательно требует постоянной (материально закреплённой) формы.

Для целей настоящей статьи представляется продуктивным синтетический подход, где объективная форма выражения означает (1) внешнее выражение результата, (2) доступность восприятию (включая через технические средства), (3) достаточную определённость выражения для идентификации объекта и разграничения его от идеи и метода. Эта система позволяет объяснить и охрану устного исполнения, и необходимость представить объективированное выражение произведения в качестве доказательств, и возникающие сложности с «эфемерным» цифровым контентом, где восприятие возможно, но границы объекта и его повторная идентификация зависят от фиксации.

Прежде всего критерий объективной формы выражения позволяет провести базовую границу между охраняемым выражением и неохраняемым содержанием-замыслом. Закон прямо исключает из сферы авторско-правовой охраны идеи, методы, процессы, системы, концепции, принципы и т.п., поскольку они не тождественны форме выражения результата. Следовательно, для квалификации объекта важно показать не

«что хотел сказать автор», а как именно это выражено (в тексте, изображении, аудиовизуальном ряде, исполнении и т.д.).

Отдельный блок проблем возникает в отношении «эффемерных» форм цифрового контента: стримов, эфиров, временных публикаций, которые могут быть восприняты пользователями, но не всегда сохраняют устойчивый след. Доктринально здесь сталкиваются два подхода: (1) достаточно восприимчивости через технические средства (поскольку закон допускает устную форму, включая публичное исполнение); (2) для правовой охраны и особенно для последующего спора требуется определённая и идентифицируемость выражения, иначе невозможно установить границы объекта и факт использования [7]. На практике это означает следующее: стрим (как исполнение/аудиовизуальный поток) потенциально способен удовлетворять критерию объективной формы уже в момент трансляции, но юридически значимым становится вопрос о том, существует ли доказуемое выражение — запись трансляции, сохранённый файл, протокол осмотра страницы/контента, скриншоты, иные средства фиксации.

Критерий объективной формы особенно проявляется в нетрадиционных объектах, где трудно описать форму выражения как достаточно определённую. Показательна дискуссия об охраноспособности «аромата» как произведения: проблема не столько в творческом замысле, сколько в том, что выражение оказывается трудно идентифицируемым и воспроизводимым как объект авторского права [1]. Смысл этого примера для нашей темы в том, что объективная форма — это не просто внешнее проявление, а внешнее проявление, которое допускает юридическую идентификацию объекта.

В этой дискуссии наглядно проявляются две конкурирующие трактовки объективной формы: с одной стороны, объективная форма связывается с возможностью воспроизведения произведения (как элемента, обеспечивающего повторное восприятие и сравнение), с другой — понимается как достаточность восприимчивости выражения органами чувств. При этом подчёркивается, что перечень форм выражения в ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации носит открытый характер, однако даже при таком подходе ключевой проблемой остаётся юридическая идентифицируемость объекта (возможность описать и воспроизвести выражение так, чтобы оно было проверяемо в споре).

Наконец, отдельного внимания требует охрана частей произведения. Даже если фрагмент узнаваем, это само по себе не означает наличие объективной формы в юридически зна-

чимом смысле: фрагмент должен быть выражен так, чтобы его можно было выделить как самостоятельный объект и сопоставить с использованием, а также он должен обладать творческим характером. В противном случае охрана «части» превращается в охрану идеи/приёма, что прямо противоречит логике ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации.

В прикладном плане критерий объективной формы имеет ключевое значение для квалификации спорного объекта: суду необходимо увидеть конкретный объект, а не описание замысла, чтобы определить границы произведения и сопоставить их с оспариваемым использованием. Поэтому в делах о нарушении авторских прав вопрос объективной формы почти всегда «переводится» в плоскость доказательств: есть ли у истца выраженный результат и можно ли его идентифицировать в том виде, в каком он был использован.

В цифровой среде объективная форма чаще всего подтверждается не «вещным носителем», а цифровым следом: файлом, записью, публикацией на странице, метаданными, техническими логами, иными данными, позволяющими установить содержание и форму выражения произведения на определённый момент времени. Именно поэтому, даже признавая, что закон не требует обязательной фиксации для всех произведений, правоприменение фактически ориентируется на критерий идентифицируемости выражения: без возможности воспроизвести и сравнить объект спор становится невалидируемым.

Ещё в работах, посвящённых обнародованию произведений в глобальной информационной сети, подчёркивалось, что объективная форма в цифровом обороте практически неизбежно проявляется через способность сохранять выражение в относительно неизменном виде и обеспечивать многократное использование без искажения, что напрямую связано с воспроизводимостью и доказуемостью [5]. В прикладных публикациях встречается и более «жёсткая» позиция, согласно которой для произведений науки акцентируется обязательность фиксации на информационном (материальном) носителе; этот тезис важен для статьи как показатель существования строгого подхода, хотя он и не устраняет общего правила о допустимости охраны при объективном выражении (включая устные формы [11]).

Особое значение это приобретает при защите частей произведения: фрагмент должен быть не только творчески значимым, но и выделяемым как выраженный объект, иначе под охрану может ошибочно попасть идея, приём или общий принцип, что противоречит логике ст. 1259

Гражданского кодекса Российской Федерации. В этом смысле критерий объективной формы выполняет и «антирасширительную» функцию: он ограничивает чрезмерно широкие притязания на охрану, когда заявляются слишком абстрактные элементы без чёткой фиксации их выражения.

В целях систематизации подхода к правовой квалификации спорного объекта и формированию доказательственной позиции представляется возможным предложить следующий перечень вопросов, позволяющий последовательно обосновать наличие объективной формы выражения:

1. Каков заявляемый объект охраны (текст, изображение, аудио- или видеозапись, исполнение, элемент интерфейса и т.п.)?
2. В какой форме выражен результат и относится ли такая форма к предусмотренным в ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации либо является сопоставимой по правовой природе?
3. Определимы ли границы выражения (объём, фрагменты, состав элементов) таким образом, чтобы исключить подмену охраняемого выражения идеей, методом или принципом?
4. Обеспечена ли доступность выражения для восприятия (в том числе посредством технических средств) и поддаётся ли данный факт подтверждению доказательствами?
5. Имеются ли материалы, фиксирующие выражение, позволяющие воспроизвести объект и провести проверяемое сопоставление при рассмотрении спора (файл, запись, публикация, материалы осмотра и др.)?
6. Если заявляется часть произведения, возможно ли выделить её как самостоятельный выраженный результат и обосновать творческий характер именно данной части?
7. Как соотносится заявляемый объект с оспариваемыми способами использования: что именно воспроизведено, доведено до всеобщего сведения либо исполнено?

Данный алгоритм не подменяет оценку творческого характера, но позволяет конкретизировать критерий объективной формы применительно к доказыванию, что особенно важно для цифрового контента и динамических форм распространения.

Критерий объективной формы выражения выступает в авторском праве квалифицирующим условием возникновения правовой охраны: правовая охрана возникает не на уровне замысла, а с момента, когда результат творческой деятельности получает внешнее выражение, позволяющее воспринимать и идентифицировать произведение как самостоятельный объект. При этом нормативная конструкция ст. 1259 Гражданского

кодекса Российской Федерации показывает, что российская модель не сводит объективную форму к наличию материального носителя: закон признаёт объективной формой и устное выражение в виде публичного произнесения или исполнения, а значит, допускает охрану результатов, существующих как воспринимаемый процесс.

Вместе с тем в условиях цифрового оборота ключевое значение приобретает не наличие материального носителя как такового, а критерий идентифицируемости выражения, поскольку правоприменение нуждается в таком проявлении произведения, которое можно выделить по границам, сопоставить с использованием и подтвердить доказательствами. Именно поэтому объективная форма в цифровой среде фактически выступает критерием определённости и доказуемости объекта, особенно применительно к эфемерным формам цифрового контента (эфирные, стримы, временные публикации).

Пределы критерия проявляются в двух типовых ситуациях. Первая — риск подмены выражения идеей: охрана не распространяется на методы, принципы и концепции, поэтому правовая аргументация должна быть построена вокруг конкретного выражения результата, а не вокруг «общего замысла». Вторая — нетрадиционные и трудноидентифицируемые объекты, где проблема заключается именно в невозможности объективно определить и воспроизвести форму выражения как объект авторского права.

Отдельно следует подчеркнуть, что критерий объективной формы применим не только к произведению в целом, но и к его частям: фрагмент может охраняться лишь при условии творческого характера и выраженности в объективной форме, позволяющей выделить и идентифицировать его как самостоятельный результат. Это обеспечивает баланс интересов: защита предоставляется тому, что действительно воплощено в выражении, но не расширяется до охраны идей и приёмов.

С практической точки зрения наиболее продуктивным является подход, при котором объективная форма понимается через совокупность признаков: внешнее выражение, доступность восприятию (включая через технические средства) и достаточная определённость для идентификации. Использование предложенного в статье перечня контрольных вопросов позволяет упростить квалификацию спорного объекта и структурировать доказательственную позицию, не смешивая критерий объективной формы с критерием творческого характера.

Список литературы:

- [1] Бахтиозина А.Т., Белозёрова Е.О. Объективная форма произведения: может ли аромат

быть объектом авторского права? // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Июнь 2024. № 2 (44). С. 196–204.

[2] Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений: ст. 2(2).

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): ст. 1259, п. 3 (объективная форма выражения произведения).

[4] Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 28.09.1999 № 47.

[5] Кобыляцкий Д.А. Объективная форма произведения, обнародованного в глобальной информационной сети // Северо-Кавказский юридический вестник. 2009. № 4. С. 51–54.

[6] Копылов А.Ю. Персонаж произведения как объект авторских прав: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2021. С. 33–34.

[7] Максимов В.А. Условия охраноспособности произведений в авторском праве // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 3(49). С. 85–90.

[8] Матвеев А.Г. Цифровое и аналоговое авторское право: различны ли принципы? // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2022. № 3(34). С. 31–37.

[9] Минакова А.И. Вопросы пересечения правовых режимов произведения дизайна и промышленного образца // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. Вып. 3 (41) (сентябрь). С. 25–38.

[10] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой ГК РФ»: п. 82.

[11] Рожкова М.А. 5 признаков (критериев охраноспособности) произведений науки, закрепленных действующим законодательством // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Июнь 2024. № 2 (44). С. 145–152.

[12] Серебровский В.И. Вопросы советского авторского права. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 42–44.

References:

[1] Bakhtiozina A.T., Belozeroва E.O. Objective form of the work: can fragrance be the object of copyright ?//Journal of the Court for Intellectual Rights. June 2024. № 2 (44). S. 196-204.

[2] Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works: Art. 2 (2).

[3] Civil Code of the Russian Federation (part four): Art. 1259, paragraph 3 (objective form of expression of the work).

[4] Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 28.09.1999 No. 47.

[5] Kobylyatsky D.A. Objective form of the work published in the global information network//North Caucasian Legal Bulletin. 2009. № 4. S. 51-54.

[6] Kopylov A.Yu. The character of the work as an object of copyright: dis.... cand. jurid. sciences. Tomsk, 2021. S. 33-34.

[7] Maximov V.A. Conditions of protection of works in copyright//Leningrad Law Journal. 2017. № 3(49). S. 85-90.

[8] Matveev A.G. Digital and analog copyright: are the principles different ?//Bulletin of Moscow University named after S. Yu. Witte. Series 2: Legal Sciences. 2022. № 3(34). S. 31-37.

[9] A.I. Minakova. Issues of intersection of legal regimes of design and industrial design//Journal of the Court for Intellectual Rights. 2023. No. 3 (41) (Sept. S. 25-38.

[10] Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.04.2019 No. 10 “On the application of part four of the Civil Code of the Russian Federation”: clause 82.

[11] Rozhkova M.A. 5 signs (criteria for protection) of works of science enshrined in the current legislation//Journal of the Court for Intellectual Rights. June 2024. № 2 (44). S. 145-152.

[12] Serebrovsky V.I. Soviet copyright issues. M.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1956. S. 42-44.

